

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.097-108

В. В. Хилюта*

Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного видов умысла

Аннотация. В статье рассматриваются научно-теоретические и правоприменительные аспекты понимания видов умысла в уголовном праве. Исследуются правоприменительные и доктринальные признаки альтернативного и неопределенного видов умысла и тех проблем, которые связаны с их установлением в праве России и Беларуси. Анализируется правоприменительная практика и затрагиваются насущные вопросы толкования умышленной формы вины в соответствии с положениями действующего законодательства России и Беларуси. Целью статьи является рациональный и критический разбор положений науки уголовного права применительно к проблеме квалификации деяний при неопределенном (неконкретизированном) умысле. Основной вывод автора заключается в том, что при установлении признаков неопределенного (неконкретизированного) умысла деяние следует оценивать по фактическим последствиям. Однако специфику квалификации в данном вопросе имеет неоконченное преступление. Поэтому по такого рода делам следует устанавливать фактическую направленность действий виновного исходя из объективной обстановки совершенного акта, применяемых орудий, средств совершения преступления, физических данных потерпевшего и обвиняемого и т.д. Предлагается по делам о преступлениях против жизни и здоровья обращать внимание на следующие аспекты: характер и способ применения орудия преступления, его опасность, совершение действий, которые объективно создают опасность для жизни человека; интенсивность нанесения повреждений, их локализацию, обладание специальными навыками и умениями причинения физического вреда; поражающую силу воздействия, физические данные потерпевшего и обвиняемого, осознанный характер поведения виновного; причины прекращения преступных действий обвиняемым, его взаимоотношения с потерпевшим накануне преступления, последующее поведение виновного и потерпевшего. Методы исследования: формально-догматический, сравнительно-правовой, инструментальный анализ. Область применения: юриспруденция, правоприменительная практика, правотворчество, законотворчество.

Ключевые слова: преступление; вина; умысел; виды умысла; альтернативный умысел; неопределенный умысел; неконкретизированный умысел; квалификация преступлений.

Для цитирования: Хилюта В. В. Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного видов умысла // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6. — С. 97–108. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.097-108.

The Complexity of Crime Classification in Establishment of Alternative and Indefinite Types of Intent

Vadim V. Khilyuta, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko, d.22, Grodno, Republic of Belarus, 230027
tajna@tut.by

Abstract. The paper discusses the scientific and law enforcement aspects of understanding the types of intent in criminal law. The law enforcement and doctrinal features of alternative and indefinite types of intent and the

© Хилюта В. В., 2022

* Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Я. Купалы (Беларусь)
ул. Ожешко, д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230027
tajna@tut.by

problems associated with their establishment in the law of Russia and Belarus are considered. The paper analyzes the law enforcement practice and pressing issues of interpretation of the intentional form of guilt in accordance with the provisions of the current legislation of Russia and Belarus. The purpose of the paper is a rational and critical consideration of the provisions of the science of criminal law in relation to the question of the classification of criminal acts with an indefinite (unspecified) intent. The author concludes that when establishing the elements of an indefinite (unspecified) intent, the criminal act should be evaluated by the actual consequences. However, it is an inchoate offense that possesses the specifics of classification in this matter. Therefore, in such cases, it is necessary to establish the actual direction of the actions of the perpetrator, based on the objective situation of the act committed, the tools used, the means of committing the crime, the physical data of the victim and the accused, etc. The author proposes to pay attention to the following things in cases of crimes against life and health: the nature and method of utilizing the instrument of crime, its danger, the commission of actions that objectively pose a danger to human life; the intensity of damage, their localization, the possession of special skills and abilities to cause physical harm; the striking force of the impact, the physical data of the victim and the accused, the conscious nature of the guilty person's behavior; the reasons for termination of criminal actions by the accused, his relationship with the victim on the eve of the crime, the subsequent behavior of the guilty and the victim. Research methods used in the paper are formal-dogmatic, comparative-legal, instrumental analysis. Scope of application: jurisprudence, law enforcement practice, lawmaking, lawmaking.

Keywords: crime; guilt; intent; types of intent; alternative intent; indefinite intent; unclassified intent; qualification of crimes.

Cite as: Khilyuta VV. Slozhnosti kvalifikatsii prestupleniy pri ustanovlenii alternativnogo i neopredelennogo vidov umysla [The Complexity of Crime Classification in Establishment of Alternative and Indefinite Types of Intent]. *Lex russica*. 2022;75(6):97-108. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.097-108. (In Russ., abstract in Eng.).

Как известно из положений науки уголовного права, по характеру содержания, степени определенности предвидения последствий умысел подразделяется на определенный (конкретизированный), неопределенный (неконкретизированный) и альтернативный. При определенном умысле лицо точно знает, к каким последствиям оно стремится и желает достичь именно этих преступных последствий. Поэтому в случае неоконченного преступления деяние виновного должно быть расценено как покушение на то преступление, к которому стремилось лицо, а в случае достижения желаемого результата — по фактически наступившим последствиям.

Сложнее обстоит дело с оценкой неопределенного и альтернативного умысла.

При *альтернативном* умысле лицо допускает одинаковую возможность причинения вреда в виде двух и более точно определенных

преступных последствий. Виновный понимает, что совершением своего деяния он может причинить вред одному или другому объекту (например, в драке, нанося удары в голову, лицо может убить или причинить тяжкие телесные повреждения). При этом каждое из преступных последствий для этого лица одинаково желательно.

Однако в теории уголовного права¹ и правоприменительной практике² спорным является вопрос о том, каким же образом квалифицировать деяние, совершаемое с альтернативным умыслом. Есть три варианта: первый указывает на то, что подобного рода деяния следует квалифицировать по фактически наступившим последствиям, второй — по наиболее тяжкому из последствий, которое предвидело лицо, а третий состоит в том, что деяние должно быть оценено по наименее тяжким из желаемых последствий.

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Т. 7. Кн. 2 : Субъективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. С. 127 ; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 113–115 ; Расторопов С. В. О концепции вины в составах преступлений против здоровья человека // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 146–148 ; Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). СПб., 2016. С. 89–91.

² См.: приговор Подольского городского суда Московской области от 10.08.2021 № 1-174/21 ; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 15.12.2021 ; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.06.2007 № 33П07 ; приговор Железнодорожного районного суда г. Ульяновска от 22.11.2019 по делу № 1-236/219 ; приговор Курчатковского районного суда г. Челябинска от 02.11.2011 по делу № 1-535/2011.

Приведем в этом отношении простой пример. Двое попутчиков поссорились в поезде. И тогда один из них решил избавиться от своего обидчика и вытолкнул его из движущегося поезда. Очевидно, что виновный предвидел возможность наступления различных последствий: смерть, причинение тяжких телесных повреждений, менее тяжких и т.д. Как, впрочем, и вероятность, что потерпевший может отделаться легкими ушибами. В данном случае виновный желает избавиться от своего соседа по купе и именно с этой целью выталкивает его из поезда. Как в этой ситуации определить направленность умысла лица? И можно ли вообще это сделать в отношении тех последствий, которые были желаемы (смерть, тяжкие телесные повреждения и т.д.)?

Сторонники квалификации действий виновного по фактически наступившим последствиям исходят из того, что в случае наступления определенных последствий умысел уже нашел свою объективацию и должен быть оценен по факту того, что произошло. Если совершено убийство, значит, противоправное деяние следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ, если причинен тяжкий вред здоровью — по ст. 111 УК РФ и т.д. То есть в этой ситуации вменение лицу другого преступного последствия не имеет под собой никаких оснований, если мы точно не можем определить направленность умысла при констатации того, что уже реально произошло и какое последствие наступило.

Противоположная позиция заключается в том, что при альтернативном умысле квалифицировать содеянное следует по наиболее тяжкому из предвиденных и желаемых виновным последствий. Зачастую в этом случае приводится пример с нанесением виновным удара ножом в живот. Виновный желает причинить вред и предвидит, что такой вред может быть в виде смерти или тяжких телесных повреждений, и умыслом виновного охватываются оба последствия. Лицо предвидит как возможность, так и неизбежность их наступления. Поэтому, как указывает И. О. Грунтов, «ограничивать психическое и социально-психическое содержание

умысла этого лица, совершившего данное посягательство, значит нарушать принцип виновной ответственности»³.

Такое суждение базируется и на том, что виновный способен причинять смерть (убивать), поэтому к подобного рода лицам необходимо всегда применять более строгие меры уголовно-правового воздействия⁴. Связано это с тем, что общественная опасность как деяния, так и самого субъекта определяется наиболее тяжелым объективно возможным и отражавшимся в сознании субъекта последствием, и такая общественная опасность деяния должна получить должную оценку при квалификации деяния⁵. Однако здесь есть один нюанс, который оговаривают сами сторонники данного подхода. Он состоит в том, что применять вышеуказанное правило можно только в том случае, если будет достоверно доказано, что умысел у виновного лица был действительно альтернативный. Но в этом случае возникает дилемма: как отличить альтернативный умысел от неопределенного (неконкретизированного)? Ведь при неконкретизированном умысле лицо не желает определенно причинить конкретный вред, но если лицо совершает умышленное преступление и осуществляет действия, направленные на его достижение, то это лицо в силу специфики совершения самого преступного деяния предвидит объем причиняемого вреда. Он может быть различным, но если лицо наносит удар ножом в живот, то оно точно предвидит, что в любом случае причинит телесные повреждения различной степени тяжести, а может быть, наступит и смерть.

Тем не менее не всегда предельно точно можно установить умысел лица, руководствуясь обстановкой совершения преступления и характеризуя объективные признаки деяния. Более того, порой и само виновное лицо не может пояснить, чего конкретно оно желало или же не желало⁶.

П. С. Дагель в свое время указывал, что неопределенный умысел чаще всего имеет место по отношению к количественной характеристи-

³ См.: Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск, 2018. С. 553.

⁴ См.: Семченков И. П. Актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2. С. 29.

⁵ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 114.

⁶ Весьма противоречивые правила квалификации предлагает А. С. Гудимов. В частности, он указывает: «Если судебно-следственным органам удалось установить, что виновный действовал с неконкретизи-

ке того или иного признака (сумма причиненного ущерба, тяжесть причиняемого телесного повреждения), а альтернативный умысел — по отношению к качественной характеристике признака или к его наличию или отсутствию (принадлежность похищаемого имущества, наличие или отсутствие состояния беременности)⁷. Тогда выходит, например, что если лицо похищает мобильный телефон в организации, то оно допускает, что такой телефон может принадлежать как гражданину, так и организации (юридическому лицу). Однако стоимость имущества, в частности согласно белорусскому (как и российскому) законодательству, имеет существенное значение для определения того, является совершенное деяние преступлением или административным правонарушением. Иначе говоря, виновный допускает, что телефон может принадлежать как гражданину, так и организации, что он может совершить административное правонарушение или преступление. И, согласно вышеуказанному подходу, даже если лицо по факту совершает административное правонарушение, украв чужой телефон, мы его должны привлекать за покушение на совершение преступления (именно по признаку желаемого наиболее тяжкого последствия). Но если допустить, что в данном случае был неопределенный умы-

сел, то квалификация изменится, и мы тогда будем вынуждены оценивать такое деяние по фактически наступившим последствиям⁸.

Эта ситуация свидетельствует о том, что, занимая подобную позицию, при альтернативном умысле, какое бы деяние ни было фактически совершено, всегда можно вменить в вину лицу более тяжкое преступление, руководствуясь именно тем, что лицо допускало варианты и предвидело наступление одного из желаемых им последствий⁹. Так, вор, раздевая пьяного, точно не знает, осознает потерпевший противоправный характер его действий или нет, но допускает обе эти возможности, т.е. можно сказать, что действует с альтернативным умыслом. Можно также сказать о том, что, совершая тайное хищение, лицо может осознавать (а равно допускать), что за ним наблюдают, и, согласно обозначенной логике, поскольку виновный допускает причинение большего вреда, постольку недостижение именно такого желаемого результата образует покушение на его причинение (покушение на грабеж).

Тем не менее в настоящее время правоприменительная практика исходит из того, что при неопределенном (неконкретизированном) умысле действия лица квалифицируются по фактически наступившим последствиям¹⁰.

рованным умыслом, то деяние должно квалифицироваться непременно на основе наиболее тяжкого из последствий, охваченных умыслом обвиняемого. Когда установлено, что лицо не представляло (следовательно, не могло желать), какой конкретно тяжести вред здоровью будет иметь место в результате его действий, и момент конкретизации умысла отсутствует, то имеет место косвенный умысел, так как лицо относится к последствиям своих действий безразлично» (см.: Гудимов А. С. К вопросу о неконкретизированном умысле при умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 106). Тем не менее о том, как следует квалифицировать деяние во втором случае, указанный автор умалчивает. Однако буквальное прочтение его правила свидетельствует о том, что лицо в обоих случаях действовало с неконкретизированным умыслом, вопрос только с каким: с прямым или косвенным. Но сам автор не проводит здесь определенного водораздела.

⁷ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 112.

Тем не менее остается открытым вопрос: может ли альтернативный умысел сводиться сугубо к качественному признаку?

⁸ Более подробно данный вопрос, включая различные варианты квалификации, рассмотрен нами в следующих работах: Хилюта В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищениях // Законность. 2019. № 12. С. 46–48 ; Ковальчук А., Хилюта В. Защита владения в уголовном праве и правила определения ущерба при совершении хищений // Судовы веснік. 2018. № 2. С. 42–45 ; Хилюта В. В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2. С. 6–11.

⁹ Однако, по сути дела, речь здесь идет об объективном вменении, так как лицу ставится в упрек возможность наступления наиболее тяжкого из последствий. Но чем это можно реально подтвердить и подтверждается ли это всегда исходя из обстановки совершения преступления? Объективно не всегда это представляется возможным сделать, и элемент допущения имеет место.

¹⁰ И если это положение отрицать, то мы становимся на путь игнорирования причинения виновным менее тяжкого преступного последствия при умысле причинить более тяжкое.

Вопрос состоит здесь только в оценке доказательств, их обоснованности и сопоставимости критериев отличия определенного умысла от неопределенного¹¹.

Согласно же доминирующей концепции *неконкретизированного* умысла, в вину лицу вменяется тот результат, к которому в действительности привели его действия. При этом с субъективной стороны требуется, чтобы лицо предвидело возможность наступления и того результата, который фактически имел место. Действующий с неопределенным умыслом субъект представляет себе эту возможность в общих чертах, специально не выделяя в своем предвидении из массы возможных именно этот результат, который в реальности и наступает¹².

Сегодня вопрос о неопределенном умеcле имеет принципиальное значение в контексте рассмотрения ситуаций, когда виновный *не достигает планируемого результата*. Например, лицо, скрываясь от сотрудников правоохранительных органов, отстреливается из огнестрельного оружия, но не попадает ни в одного из них, т.е. преступные последствия не возникают и вред никому не причиняется¹³. Однако виновное лицо действовало с умыслом и желало причинить вред преследователям, но не представляло, какой именно. Если исходить из того, что при неопределенном умеcле мы квалифицируем деяние по фактически наступившим общественно опасным последствиям, то это правило здесь не срабатывает, так как последствия не наступили. В этом случае можно сказать, что такое лицо вообще тогда не должно привлекаться к ответственности. Однако такая ситуация выглядит крайне абсурдной. Если же квалифицировать подобное деяние как покушение на наиболее тяжкое из возможных преступлений (что выглядит более справедливым), то оказывается, что непонятна сама логика квалификации, когда имеет место оконченное преступление с неопределенным умыслом.

А именно: почему тогда деяние квалифицируется по фактически наступившим последствиям в случае его совершения, а при неоконченном преступлении — как покушение на наиболее тяжкое из возможных последствий?

Выходит, что квалификация преступления при неконкретизированном или альтернативном умеcле, при оконченном или неоконченном преступлении определяется случайностью. Конечно, это не исключает вменения, так как сознание виновного лица отражает объективную возможность «выпадения» одного из последствий¹⁴. Но ситуация очень странная, поскольку преступления, совершаемые с неопределенным умыслом, оцениваются по фактически наступившим последствиям, а с альтернативным умыслом — по максимуму желаемого¹⁵. Все-таки неясно, как квалифицируются неоконченные преступления с неопределенным умыслом.

С другой стороны, так ли принципиально проводить разграничение между альтернативным и неопределенным (неконкретизированным) умыслом? Конечно, можно допустить, что разница между двумя названными видами умысла определяется замкнутостью круга тех общественно опасных последствий, которые сознавались виновным в момент совершения преступного деяния. Но если лицо наносит многочисленные удары потерпевшему руками и ногами в голову, в корпус, то такое лицо предвидит возможность наступления любого вреда. И понятно, что если он наносит удары в голову, то это не ограничится побоями и легкими телесными повреждениями. Однако важны не только интенсивность наносимых ударов и их количество, но и определенная сила удара. Безусловно, в такой ситуации лицо желает причинить вред, но можем ли мы сказать, какой именно? Или же очертить предельные рамки предвидения такого вреда самим виновным? Скорее, если и можем, то в русле анализа объ-

¹¹ В уголовно-правовой литературе обращалось внимание на то, что практически невозможно причинить умышленное тяжкое телесное повреждение с конкретизированным умыслом, так как в этой ситуации виновное лицо должно заранее соизмерить силу своего удара, знать состояние здоровья жертвы, предвидеть, умрет потерпевший сразу или отделается телесными повреждениями, и т.д. См.: Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 378.

¹² См.: Расторопов С. В. Указ. соч. С. 146.

¹³ См.: URL: <https://normativka.by/lib/document/500291252/sid/cddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumber=39> (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁴ См.: Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 101.

¹⁵ Такое суждение может иметь место только в том случае, когда в любой ситуации (при покушении и совершении преступления) деяние квалифицируется по наиболее тяжкому из желаемых последствий.

ективных обстоятельств дела, но определить осознание виновным вреда в момент его причинения и характер его предвидения вряд ли можем. То есть получается, что мы это делаем за самого виновного и по факту решаем, какой у него был умысел: неопределенный или альтернативный.

Полагаем все же, что выделять основное отличие неконкретизированного умысла от альтернативного лишь по тому основанию, что количество предвиденных преступных последствий виновным было ограничено и они достаточно четко определялись лицом (смерть или тяжкие телесные повреждения¹⁶), не совсем правильно, и не всегда это можно сделать в полной мере точно. Потому что даже и в этом случае виновное лицо никогда не предвидит альтернативные преступные последствия достаточно четко, но всегда оставляет возможность наступления и иных, побочных последствий, более или менее тяжких по сравнению с теми, которые им видятся первично. Как и альтернативный, неопределенный умысел имеет свой объем, свои пределы. В таком случае, повторим, провести четкую линию между определенным (конкретизированным) и альтернативным умыслом невозможно.

Допустим, лицо, действуя по наводке, взламывает сейф гражданина, который только что продал квартиру и дачу за примерно ту сумму, которая фигурировала в объявлении о продаже. То есть виновный более-менее предвидит, какие именно денежные средства могут находиться в сейфе и в каком ориентировочно объеме. Но он не исключает возмож-

ность того, что там будет больше денег или же не быть их вовсе. Какой процент вероятности этого события мы можем включать в характер его предвидения? Ответить на этот вопрос со всей степенью определенности и решимости вряд ли кто-то сможет. Но если при вскрытии сейфа денег вообще не окажется, что вменять ему в вину? Какую денежную сумму и в каком размере? Если виновный достоверно знал максимальную денежную сумму, то это альтернативный умысел, а если предполагал, то неконкретизированный?¹⁷

Представляется, что в этом случае всегда будет довлеть элемент допущения. Мы сами, точно не зная ответа на данный вопрос, станем обдумывать его за виновного, вторгаясь в его сознание, предвидение, и решать в конечном итоге, чего желал виновный. Вряд ли здесь помогут и объективные обстоятельства, которые будут установлены по делу. В том-то и дело, что при квалификации деяния по наиболее тяжким из возможных последствий при наличии альтернативного умысла следует точно установить и доказать, что лицо предвидело и желало наступления именно этих последствий (наряду с другими). Но если это так, тогда альтернативный умысел превращается в определенный, потому как если мы доказываем, что лицо стремилось причинить наиболее тяжкий вред (хотя допускало и иные варианты), значит, оно стремилось именно к этому последствию, равно как и к другим — в одинаковой степени.

Материалы изученной нами судебно-следственной практики¹⁸ свидетельствуют о том, что суды чаще всего оценивают деяние по факти-

¹⁶ В правовой литературе обращается внимание на то, что для умышленного причинения вреда здоровью наиболее типичен неконкретизированный умысел, когда виновный предвидит и желает или сознательно допускает причинение вреда здоровью другого лица, но не представляет конкретно объем этого вреда и нередко лишен возможности конкретизировать степень тяжести причиняемого вреда здоровью. См.: *Кораблева С. Ю., Казакова В. А.* Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию. М., 2016. С. 82–83.

¹⁷ При отсутствии доказательств того, что сознанием виновного охватывается конкретный предмет хищения, нельзя вести речь о прямом определенном умысле. Более того, если лицо не осознает размер хищения, то умысел у него больше тяготеет к прямому неопределенному. Здесь следует согласиться с Н. В. Вишняковой в том, что единый неопределенный умысел усматривается тогда, когда виновный на момент совершения первого из преступных действий точно не знает, что конкретно и в каком количестве он похитит в дальнейшем, но при этом осознает, что будет совершать такие действия, пока есть возможность, пользуясь бесконтрольностью, отсутствием учета, используя иные благоприятные для этого условия (см.: *Вишнякова Н. В.* Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 19). Понятно также и то, что в таком случае деяние будет оцениваться по фактически наступившим последствиям.

¹⁸ См.: URL: <https://normativka.by/lib/document/500145487/sid/18c7656510224424970265c72fb741cd> ; <https://normativka.by/lib/document/500244275/sid/cdddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumb>

чески наступившим последствиям, а не по наиболее тяжкому из допустимых видов вреда при альтернативном умысле¹⁹. Более того, правоприменительные органы, осуществляя квалификацию преступления, предпочитают вообще не говорить о наличии у лица альтернативного умысла.

Например, Х. был приговорен к шести годам лишения свободы за покушение на убийство А. Кассационная инстанция переквалифицировала совершенное деяние как покушение на убийство в состоянии аффекта и снизила наказание. Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по принесенному в порядке надзора протесту заместителя Генерального прокурора, указал следующее. Осужденный и потерпевший находились в дружеских отношениях, ссора между ними возникла случайно, и ее инициатором был сам потерпевший, который в процессе ссоры ударил Х. кулаком по переносице и ногой в пах. После этого Х. выхватил нож и нанес им потерпевшему два удара: один — в грудь, а второй — в спину, после чего драка прекратилась, а Х. не предпринимал никаких попыток лишить потерпевшего жизни. Напротив, собранные по делу доказательства указывают на то, что Х., находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего, нанес ему ножевые ранения, действуя с неопределенным умыслом. Поэтому его деяние должно быть квалифицировано в зависимости от фактически наступивших последствий, т.е. как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения²⁰.

Итак, по делам о причинении телесных повреждений различной степени тяжести в большинстве случаев умысел виновных лиц носит неопределенный, неконкретизированный характер. Другими словами, виновное лицо, совершая преступное деяние, осознает, что своими противоправными действиями причиняет

вред здоровью потерпевшего, но в силу объективных обстоятельств не может достаточно точно определить размер этого вреда, тем не менее желает или сознательно допускает его причинение. Более того, зачастую в процессе осуществления преступных намерений потерпевшему причиняется не одно, а совокупность телесных повреждений различной степени тяжести, в том числе не относящихся к категории тяжких.

Выходит, что если правоприменитель пытается вменить альтернативный (или неопределенный) умысел виновному лицу, то он (умысел) невольно смешивается с косвенным умыслом, потому как лицо допускает различные варианты наступления общественно опасных последствий. Это лицо относится безразлично к тому, какой предполагаемый в его сознании вариант может реализоваться, поскольку допускает любой из них. Это и порождает ряд проблем, особенно в части квалификации неоконченных преступлений. И если исходить из того, что покушение с косвенным умыслом невозможно, тогда мы не можем вывести достаточно определенную формулу квалификации неоконченных преступлений с неопределенным или альтернативным умыслом.

Не случайно по этому поводу в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2006 № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» отмечено, что «ответственность по ст. 147 УК наступает при наличии у виновного умысла (прямого либо косвенного) на противоправное причинение повреждения, указанного в диспозиции данной статьи, другому человеку. Если виновный сознавал общественную опасность своего действия или бездействия, предвидел возможность причинения потерпевшему телесных повреждений любой

er=48 ; <https://normativka.by/lib/document/500247130/sid/443c48b353d0465886bfe77de943c2ed#serialnumber=13> ; <https://normativka.by/lib/document/500279802/sid/cddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumber=18> ; <https://normativka.by/lib/document/500252106/sid/cddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumber=16> ; <https://normativka.by/lib/document/500244493/sid/cddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumber=46> (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁹ В теории уголовного права на сей счет указывается, что в практическом плане при разграничении преступлений против здоровья человека по тяжести причиненного или возможного вреда нет смысла точно устанавливать направленность умысла виновного, так как обычно бывает достаточно того, что виновный действует с неопределенным умыслом (см.: *Расторопов С. В.* Указ. соч. С. 146). Однако эта рекомендация не всегда срабатывает, в частности в ситуациях, когда преступные последствия не наступили вообще.

²⁰ Цит. по: Уголовное право. Общая часть. Преступление. С. 127.

тяжести и желал этого либо не желал, но сознательно допускал или относился к последствиям своего деяния безразлично, все содеянное квалифицируется по фактически наступившим последствиям».

Однако данное разъяснение следует уточнить. Если все же лицо действовало с прямым умыслом и желало причинить именно тяжкие последствия, но вред не наступил по причинам, не зависящим от воли виновного, тогда данные действия следует оценивать как покушение на задуманное преступление. Виновный стремился к его совершению, о чем свидетельствовали его умысел и намерение причинить вред определенной тяжести. Игнорирование данного постулата приведет к нивелированию принципа личной виновной ответственности и квалификации деяния по субъективному намерению лица.

Сложнее обстоит дело с ситуацией, когда вред фактически причинен не был. В этом случае вышеуказанные рекомендации Верховного Суда Республики Беларусь не подходят, поскольку никакие последствия не наступили. Мы уже говорили о том, что на этот счет существует точка зрения о необходимости квалификации таких действий виновного по наиболее тяжкому из охватываемых его умыслом последствий. Однако есть и прямо противоположный взгляд, сводящийся к тому, что в подобного рода случаях деяние следует оценивать как покушение на наименее тяжкое из желаемых последствий. Н. А. Бабий обосновывает это тем, что «равное желание любого из последствий означает безразличное отношение к тому, какое конкретно будет причинено последствие. Субъективное безразличие имеет и объективное выражение: лицо не предпринимает специальных мер для достижения именно более тяжких последствий»²¹. В таком случае выходит, что прямой неконкретизированный умысел смешивается с косвенным. И если при прямом конкретизированном умысле в случае недостижения преступного результата мы квалифицируем деяние по тому, чего именно желало лицо, то

при прямом неконкретизированном умысле, согласно приведенной точке зрения, квалификация осуществляется по наименее тяжкому из желаемых последствий. Но и здесь вопрос всегда упирается в то, как конкретно такой умысел установить, а точнее, определить его направленность.

Допустим, лицо было застигнуто при попытке проникновения в гараж. В гараже находились автомобиль, мопед и маленький детский велосипед, о чем достоверно было известно грабителю. Но преступление не было им окончено, так как виновный был задержан при попытке взлома замка. Более того, на момент совершения хищения все эти вещи в гараже отсутствовали. Представим себе, что в данном примере детский велосипед не представлял значительной ценности. Тогда, следуя вышеизложенной позиции, вменить в вину следует покушение на мелкое хищение? Вряд ли это правильно. Противоположный вариант квалификации — покушение на хищение всех этих трех вещей вместе взятых. Еще один — оценка деяния по фактически наступившим последствиям. Но таковых не было. В этом и заключается суть рассматриваемой проблемы.

В этой связи нередко отмечается, что при возникновении сомнений относительно содержания и направленности умысла виновного следует применять положения принципа презумпции невиновности: «все неустранимые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого»²². Но разве нет таких сомнений относительно направленности умысла при альтернативном и неопределенном видах умысла? Всегда можно сослаться в этом случае на элемент допущения. Как, впрочем, и признать тот факт, что лицо действовало не с неопределенным (неконкретизированным) умыслом, а наоборот, с точно определенным, и тогда вне зависимости от последствий такое деяние мы должны будем квалифицировать по его (умысла) направленности.

По приговору суда С. был признан виновным в покушении на убийство с особой жесто-

²¹ См.: Бабий Н. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения: постановление принято — вопросы остались // Юстиция Беларуси. 2006. № 6. С. 45.

Однако если мы всё же констатируем, что умысел у лица был неопределенный, а фактически — косвенный, если речь идет о безразличии, то как тогда вменить в вину лицу покушение на больший или меньший вред? Ведь покушения с косвенным умыслом быть не может. Понятно и то, что неконкретизированный и альтернативный умыслы неравнозначны косвенному, но порой границу между ними провести невозможно.

²² См.: Гудимов А. С. Указ. соч. С. 106 ; Бабий Н. Указ. соч. С. 45.

костью, из хулиганских побуждений лицом, ранее совершившим покушение на убийство. Так, обвиняемый не отрицал в ходе досудебного производства и в судебном заседании того обстоятельства, что 22 декабря 2016 г. сначала в квартире по месту жительства потерпевшего К., а затем во дворе вблизи дома по ул. С. в г. М. он причинил ножевые ранения соответственно сначала К., а затем Э. Тем не менее обвиняемый полагал, что суд, признав установленным наличие у него прямого умысла на убийство потерпевших, вышел за пределы предъявленного обвинения, которое не содержит указания на то, что он желал наступления их смерти. С. считал, что выводы суда о наличии у него прямого умысла на убийство не основаны на фактических обстоятельствах дела. При этом С. указывал, что удары потерпевшим наносил не целенаправленно в жизненно важные части тела, а спонтанно, действуя с неконкретизированным умыслом, не будучи заведомо осведомленным о том, что наносимые удары приведут к смертельному исходу, и не желая этого. Однако судебная коллегия по уголовным делам отметила, что доводы обвиняемого о недоказанности наличия у него умысла на убийство каждого из потерпевших опровергаются приведенными в приговоре доказательствами. Экспертами установлено, что выявленные на теле К. телесные повреждения возникли не менее чем от 12 травмирующих воздействий ножом. Колото-резанные телесные повреждения потерпевшему Э. причинены в результате не менее пяти травмирующих воздействий ножом. Характер, количество и локализация телесных повреждений у потерпевших, практически все из которых располагались в области грудной клетки и живота, а у Э. — и в области шеи, сопровождалась повреждениями внутренних органов, в том числе ранением левого желудочка сердца у К. и повреждением верхнего шейного отдела позвоночника, твердой мозговой оболочки и спинного мозга у Э., механизм их образования, выражающийся в нанесении множественных сильных ударов ножом, в том числе и сзади, свидетельствуют об умысле обвиняемого на ли-

шение потерпевших жизни. Утверждение обвиняемого о том, что он не наносил целенаправленных ударов, опровергнуто фактическими его действиями. Обвиняемый своими действиями выполнил объективную сторону убийства каждого из потерпевших. Умысел на убийство К. обвиняемый не довел до конца только в связи с активным сопротивлением потерпевшего и своевременно оказанной обоим потерпевшим квалифицированной медицинской помощью. Поэтому суд признал, что форма вины обвиняемого по отношению к содеянному характеризуется прямым умыслом, которым охватывалось лишение потерпевших жизни²³.

Если исходить из того, что неконкретизированный умысел сливается с косвенным, тогда придется признать и то, что покушение может совершаться и с косвенным умыслом, раз мы говорим о том, что при неконкретизированном (а равно и при альтернативном) умысле лицо предвидит разные последствия и безразлично относится к их наступлению. Это означает возможность покушения на преступление с наиболее тяжкими или наименее тяжкими из желаемых последствий. Однако правоприменительная практика опровергает данный тезис и настойчиво продолжает оценивать покушение на совершение преступления с неопределенным умыслом по фактически наступившим последствиям (если таковые были). Этот вывод базируется на том положении, что при косвенном умысле необходимо констатировать отсутствие объективных и субъективных оснований вменить в вину лицу посягательство на фактически не пострадавший объект, поэтому ответственность должна наступать лишь за реально наступившие общественно опасные последствия²⁴. И, как отмечали Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров, «в рамках косвенного умысла психическое отношение к нереализовавшимся последствиям юридически не существует»²⁵.

Итак, в случае неопределенности вида умысла при неоконченном преступлении суды предпочитают устанавливать конкретную направленность действий лица исходя из сложившейся обстановки, объективной ситуации,

²³ URL: <https://normativka.by/lib/document/500252106/sid/cdddf653d47a34cf9b38a023914a2b285#serialnumber=16>.

²⁴ См.: Абакишина Н. А. Вклад Алексея Ивановича Парога в актуализацию психологического содержания вины // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной науч.-практ. конференции / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. А. И. Парог. М., 2022. С. 625.

²⁵ Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 101.

связанной с совершением противоправного деяния, и т.п., нежели квалифицировать содеянное по каким-либо правилам при неконкретизированном или альтернативном умысле. Фактически эта позиция объясняется тем, что сама классификация видов умысла на конкретизированный, неконкретизированный и определенный основана на характеристике элементов предвидения и воли.

При этом необходимо отметить, что доктриной уголовного права и судебно-следственной практикой на сей счет разработаны правила, которые сводятся к следующему: если будет доказано, что «виновный избрал такой способ действий, при котором он предвидел неизбежность смерти потерпевшего, то это означает, что виновный желал смерти потерпевшего, т.е. действовал с прямым конкретизированным умыслом на убийство»²⁶.

Соответственно, в первую очередь подлежат выяснению обстоятельства, характеризующие интенсивность наносимых повреждений, применяемые орудия и мускульную силу человека, физическое состояние виновного и потерпевшего, их поведение и т.д. Неслучайно по этому поводу в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17.12.2002 № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» применительно к вопросу об отграничении убийства от причинения тяжких телесных повреждений указано: «Устанавливая умысел виновного, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), причины прекращения преступных действий и т.д., а также предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, характер действий виновного после совершения преступления». Такая же рекомендация содержится в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», где обращено внимание на то, что «при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения

жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения».

Таким образом, в настоящее время правила квалификации преступлений при констатации неконкретизированного (неопределенного, альтернативного) умысла могут быть сведены к следующему: 1) если у лица присутствует конкретизированный умысел, то квалификация деяния осуществляется по направленности умысла как в случае оконченного преступления, так и в случае неоконченного; 2) при неконкретизированном (альтернативном) умысле квалификация осуществляется по фактически наступившим последствиям.

Однако если имело место неоконченное преступление с неконкретизированным (альтернативным) умыслом, то в деянии лица следует устанавливать фактическую направленность его действий исходя из объективной обстановки совершенного акта, применяемых орудий, средств совершения преступления, физических данных потерпевшего и обвиняемого и т.д. Например, по уголовным делам, связанным с преступлениями против жизни и здоровья, для определения направленности умысла лица следует устанавливать:

- а) характер и способ применения орудия преступления, его опасность, совершение действий, которые объективно создают опасность для жизни человека (если лицо использует предметы, средства, вещества, которые обладают значительной поражающей силой и являются общеопасными, то умысел виновного направлен на убийство; если применяются предметы, не обладающие значительной поражающей силой, то умысел направлен на причинение телесных повреждений);
- б) интенсивность нанесения повреждений, их локализацию, обладание специальными навыками и умениями причинения физического вреда (если происходит большое количество ударов в жизненно важные органы, это свидетельствует об умысле на убийство; если имеет место однократное нанесение удара, то умысел направлен на причинение телесных повреждений);
- в) поражающую силу воздействия, физические данные потерпевшего и обвиняемого, осознанность характера поведения виновного (если наносится однократный удар с боль-

²⁶ См.: Попов А. Н. Указ. соч. С. 90.

- шой поражающей силой, например ножом в сердце, это свидетельствует об умысле на убийство; если удар нанесен с небольшой поражающей силой, то характер действий говорит о направленности умысла на причинение телесных повреждений);
- г) причины прекращения преступных действий обвиняемым, его взаимоотношения с потерпевшим накануне преступления, последующее поведение виновного и потерпевшего.
- При невозможности установить тяжесть возможных преступных последствий деяние следует квалифицировать как покушение на наименее тяжкое из желаемых лицом последствий, наказываемых в уголовно-правовом порядке (если при этом в совершенном деянии не усматриваются признаки иного состава преступления²⁷).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абакшина Н. А. Вклад Алексея Ивановича Рарога в актуализацию психологического содержания вины // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ; отв. ред. А. И. Рарог. — М. : Проспект, 2022. — С. 622–628.
2. Бабий Н. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения: постановление принято — вопросы остались // Юстиция Беларуси. — 2006. — № 6. — С. 41–46.
3. Вишнякова Н. В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 2. — С. 16–19.
4. Гудимов А. С. К вопросу о неконкретизированном умысле при умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью // Человек: преступление и наказание. — 2007. — № 1. — С. 104–106.
5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1974. — 242 с.
6. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. — М. : Юридическая литература, 1972. — 264 с.
7. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. — М. : Российское право, 1992. — 432 с.
8. Ковальчук А., Хилjuta В. Защита владения в уголовном праве и правила определения ущерба при совершении хищений // Судовы веснік. — 2018. — № 2. — С. 42–45.
9. Кораблева С. Ю., Казакова В. А. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию. — М. : Научное обозрение, 2016. — 191 с.
10. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. — Минск : Издательский центр БГУ, 2018. — 863 с.
11. Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). — СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2016. — 124 с.
12. Расторопов С. В. О концепции вины в составах преступлений против здоровья человека // Российский журнал правовых исследований. — 2015. — № 2. — С. 145–151.
13. Семченков И. П. Актуальные проблемы квалификации преступлений, совершаемых с альтернативным умыслом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 2. — С. 25–30.
14. Уголовное право. Общая часть. Преступление. — Т. 7. Кн. 2 : Субъективная сторона преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 400 с.
15. Хилjuta В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищениях // Законность. — 2019. — № 12. — С. 46–48.
16. Хилjuta В. В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищении // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 2. — С. 6–11.

Материал поступил в редакцию 7 апреля 2022 г.

²⁷ Поясним данный тезис на примере. А., проходя по мосту, увидел, что Б. сидит на краю моста. А. беспричинно толкнул Б. с моста в воду. Последствия могли наступить самые разные, однако Б. не были причинены телесные повреждения. Некоторые суды оценивают данное преступление по фактически наступившим последствиям: как хулиганство, а не как покушение на причинение телесных повреждений различного вида тяжести.

REFERENCES

1. Abakshina NA. Vklad lekseya Ivanovicha Raroga v aktualizatsiyu psikhologicheskogo sodержaniya viny [Alexey Ivanovich Rarog's contribution to the actualization of the psychological content of guilt]. In: Rarog AI, editor. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii* [Criminal Law: Development strategy in the 21st century. Procs. of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow: Prospekt Publ.; 2022. Pp. 622–628. (In Russ.).
2. Babiy N. Umyshlennoe prichinenie tyazhkogo telesnogo povrezhdeniya: postanovlenie prinyato — voprosy ostalis [Intentional infliction of grievous bodily harm: Decision is made, questions remained]. *Yustitsiya Belarusi* [Justice of Belarus]. 2006;6:41-46. (In Russ.).
3. Vishnyakova NV. Edinstvo umysla kak priznak prodolzhaemogo khishcheniya [Unity of intent as a sign of continued theft]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2015;2:16-19. (In Russ.).
4. Gudimov AS. K voprosu o nekonkretizirovannom umysle pri umyshlennom prichinenii sredney tyazhesti vreda zdorovyu [On the issue of unclassified intent in the deliberate infliction of moderate harm to health]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and punishment]. 2007;1:104-106. (In Russ.).
5. Dage PS, Kotov DP. Subektivnaya storona prestupleniya i ee ustanovlenie [The subjective side of the crime and its establishment]. Voronezh: Voronezh University Publishing House; 1974. (In Russ.).
6. Zlobin GA, Nikiforov BS. Umysel i ego formy [Intent and its forms]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1972. (In Russ.).
7. Karpets II. Prestupnost: illyuzii i realnost [Crime: Illusions and reality]. Moscow: Ros. pravo Publ.; 1992. (In Russ.).
8. Kovalchuk A, Hilyuta V. Zashchita vladeniya v ugolovnom prave i pravila opredeleniya ushcherba pri sovershenii khishcheniy [Protection of possession in criminal law and rules for determining damage in the commission of theft]. *Sudovy vesnik*. 2018;2:42-45. (In Russ.).
9. Korableva SYu, Kazakova VA. Vina kak ugolovno-pravovaya kategoriya i ee vliyanie na kvalifikatsiyu [Guilt as a criminal legal category and its influence on classification]. Moscow: Nauchnoe obozrenie Publ.; 2016. (In Russ.).
10. Gruntov IO, Shidlovskiy AV, editors. Kurs ugolovnogo prava: v 5 t. Obshchaya chast. T. 1: Uchenie o prestuplenii [Course of criminal law: in 5 vols. General Part. Vol. 1: The Doctrine of Crime]. Minsk: BSU Publ.; 2018. (In Russ.).
11. Popov AN. Vina v prestupleniyakh protiv zhizni (st. 105, 106, 107, 108 UK RF) [Guilt in crimes against life (Articles 105, 106, 107, 108 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. St. Petersburg: Sankt-Peterb. yurid. in-t Gener. prokuratury RF Publ.; 2016. (In Russ.).
12. Rastoropov SV. O kontseptsii viny v sostavakh prestupleniy protiv zdorovya cheloveka [On the concept of guilt in the composition of crimes against human health]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Studies]. 2015;2:145-151. (In Russ.).
13. Semchenkov IP. Aktualnye problemy kvalifikatsii prestupleniy, sovershaemykh s alternativnym umyslom [Actual problems of qualification of crimes committed with alternative intent]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2013;2:25-30. (In Russ.).
14. Lopashenko NA, editor. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Prestuplenie. Kn. 2: Subektivnaya storona prestupleniya [Criminal Law. General Part. Crime. Vol. VII. Book 2: The subjective side of the crime]. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2016. (In Russ.).
15. Hilyuta V. Opredelenie poterpevshey storony po ugolovnym delam o khishcheniyakh [Determination of the injured party in criminal cases of embezzlement]. *Zakonnost*. 2019;12:46-48. (In Russ.).
16. Khilyuta VV. Opredelenie poterpevshey storony po ugolovnym delam o khishchenii [Determination of the injured party in criminal cases of embezzlement]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2020;2:6-11. (In Russ.).